

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ**

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 57

С.М.Червонная

**Крымскотатарское национальное
движение
(1991-1993 гг.)**

Москва 1994

Документ №57

С.М.Червонная

**Крымскотатарское национальное
движение
(1991-1993 гг.)**

Москва 1994

Материалы серии отражают точку зрения авторов и не являются официальной позицией Института.

При использовании ссылка на материалы обязательна.

Редакционная группа:

В.А.Тишков (отв.ред.)
И.Г.Косиков
Н.А.Лопуленко
М.Ю.Мартынова

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу: 117334, Москва, Ленинский проспект, д.32а.

Институт этнологии и антропологии РАН,
тел.938-00-19

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ
ДВИЖЕНИЕ (1991-1993)

В эволюции крымскотатарского национального движения с начала 1990-х годов, в его сложных взаимоотношениях с властными структурами новообразованной Республики Крым /1/, с общественными силами, политическими партиями, гражданскими движениями народов (национальных меньшинств и групп), составляющих полиэтничное население Крымского полуострова /2/, фокусируются многие важнейшие проблемы, связанные с развитием демократии и судьбой меньшинств в посттоталитарном государстве.

Первое, что можно констатировать как вывод из анализа политической ситуации в Крыму в историческом диапазоне 1991-1993 годов, - это отсутствие подлинной демократии, подмена ее институтами квазидемократическими властными структурами, укрепление позиций консервативных сил в органах власти и в общественных организациях, играющих здесь активную роль (Республиканское Движение Крым и др.). В целом, тот груз "непреодоленного прошлого" (тоталитарного режима с его антигуманистической идеологией и традиционной практикой дискриминации прав человека, прав малых, коренных народов, с его устойчивыми приоритетами трактуемой в имперском, шовинистическом духе "державности"), который доминирует в крымской политической атмосфере, позволяет лишь условно, с огромной натяжкой вести речь о конце коммунистической эры, о строительстве правового демократического государства, торжественно названного Республикой Крым. "Посттоталитарное" общество здесь по многим параметрам, характеризующим, в частности, национальную политику крымских властей и господствующие настроения, остается прежней тоталитарной системой, лишь поверхностно и чисто внешне затронутой процессами политической, социальной и духовной модернизации, начавшимися после распада СССР.

В этом смысле крымская государственная модель аналогична ряду других регионов бывшего СССР, где тоталитарная система вовсе не ликвидирована; где прежние партийные функционеры, первые секретари обкомов и республиканских ЦК, едва сменив вывески на своих кабинетах, продолжают прежнюю внутреннюю политику; где создается тотальный фронт торможения демократических реформ и социальных преобразований; где существует реальная почва для коммунистического реванша, перерождения провизорных, временных квазидемократических структур в диктатуры нового типа. Возможно, в Крыму эта тенденция выражена особенно последовательно и четко, и часто используемые в журналистике и политологии определения Крыма как "накопителя" консервативных сил, "оазиса", "острова", "заповедника" коммунизма имеют свой резон.

По крайней мере три причины способствуют формированию здесь такой "заповедной" зоны. Первая - это определяемая военно-стратегическим, пограничным положением Крыма - основной базы Черноморского флота - значительная роль армейских структур, офицерских

объединений, сил, представляющих интересы военных комплексов и ведомств бывшего Советского Союза и ориентированных (социально, политически, морально) на его реанимацию. Вторая - это связанный с особым статусом "всесоюзной здравницы", курортной зоны огромный объем вложений и создание плацдарма теми инстанциями, которые служили оплотом и стали мощной корпорацией порцией сил, олицетворяющих старый тоталитарный режим. Правительственные дачи, санатории 4-го управления Минздрава СССР, ведомственные базы ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, защищавших государственные интересы профсоюзов, Министерства обороны и других всемогущих союзных министерств - все это были не только райские уголки, которые и в новых обстоятельствах никак не хотели терять их бывшие хозяева, служившие проводниками прямого влияния на Крым старой административно-командной системы, ее "Центра", но и питательная почва для местных кланов обслуживающего персонала, военизированной охраны и прочих групп населения, чье социальное благополучие зависело от процветания этого "коммунистического рая" и чье поведение при угрозе его крушения обретало характер упорного противодействия реформам.

Наконец, третья причина превращения полуострова в заповедник коммунистического застоя - явно выраженная маргинальность основных групп его населения, predetermined демографической политикой прежних десятилетий (послевоенная насильственная депортация коренного народа - крымских татар - и ряда национальных меньшинств - старожилов полуострова: армян, болгар, греков, немцев; массовое, далеко не всегда добровольное переселение сюда жителей Кубани и центральных областей России; стимулируемый допингами "труднаборов" приток украинского крестьянства после передачи Крымской области Украине 1954 году; административное ограничение прописки в Крыму 1970-80-е годы и целевые выделения дач и квартир для определенных кругов советской элиты, включая армейский генералитет, ветеранов силовых министерств и т.п.). При этом почти на 90% обновленное после войны население полуострова, не имевшее здесь корней в историческом прошлом, чувствовавшее себя не совсем уверенно в чужих домах и поселках, опустевших после массовых депортаций 1944 года, воспитывалось в страхе перед возможным возвращением прежних хозяев, в уверенности в исторической вине "наказанных" народов и в надежде на Советскую власть, стабильность которой представлялась гарантом их положения.

По этим причинам демократические сдвиги и общие тенденции обновления, охватившие советское общество уже в годы горбачевской "перестройки" и особенно бурно проявившиеся на историческом переломе между августом и декабрем 1991 года, проникали в Крым с запозданием, в усеченном виде, оказывались в режиме усиленного торможения. Подлинной победы демократии ни на московский, ни на киевский манер здесь так и не наступило, хотя мимикрия старой власти сопровождалась энергичной демонстрацией внешней видимости перемен. /3/.

Крымскотатарскому национальному движению, вся драматическая история которого (особенно начиная с 1960-х годов, когда из его рядов выдвинулись новые, молодые лидеры, связавшие свою судьбу с правозащитным движением в СССР) протекала под знаком сопротивления стали-

низму, борьбы с тоталитарным режимом, пришлось столкнуться в Крыму и после августа, и после декабря 1991 года с тем же самым противником, с каким это движение имело дело с самого начала крымскотатарской трагедии - с 18 мая 1944 года. Не только те же самые силы (по выражению, укоренившемуся в крымскотатарской публицистике, "силы 1944 года") препятствовали процессу репатриации, возвращения крымских татар из мест ссылки на свою историческую родину, их обустройству в Крыму с помощью государства /4/, но порою те же самые люди, бывшие партийные и советские функционеры, сохранившие свои силовые позиции в новой администрации Республики Крым, которые руководили позорными процессами изгнания, избиения, разорения возвращавшихся в Крымскую область и упорно отстаивавших свои гражданские права крымских татар в 1970-80 -х годах, продолжали здесь и в начале 1990-х годов едва прикрытую демагогическим камуфляжем (заботой о соблюдении "законности" и т.п.) политику апартеида по отношению к коренному народу Крыма, организовывали погромы татарских поселений, провоцируя межэтнические конфликты /5/.

При этом показательно, что силы правопорядка, послушные новой крымской администрации, - а в случаях, когда дело доходило до Киева, то и общеукраинские милицейские и воинские подразделения, - при всех недоразумениях или заранее спланированных провокационных акциях, разгоня стихийные митинги, пикеты, разрушая "самострой" /6/ и т.п., однозначно выступают против крымских татар и никогда не берут их под защиту даже от явно незаконных, противоправных действий (погромов, поджогов, избиений, насильственных вытеснений). Крымская печать, включая и парламентский официоз - газету "Крымские известия", и контролируемые мощными общественными группировками "независимые" издания, ведет систематическую травлю избранного крымскими татарами Меджлиса, распространяя будоражащие население вымыслы о якобы исходящих от Меджлиса и ОКНД угрозах сплошной "тюркизации" Крыма, вытеснения славян, установления этнократической диктатуры, об опасности исламского фундаментализма и т.п. /7/.

В наиболее жесткой форме антидемократическая (по национальному вектору - "антитатарская") политика крымского руководства, включающая грубые методы насилия, нарушения прав человека, проявилась в событиях, которые произошли летом-осенью 1992 года в поселке Красный Рай - пригороде Алушты и "вокруг него". (Автор был непосредственным свидетелем этих событий, находясь там с 14 июля 1992 г., и имеет возможность судить о них не "со стороны"). Суть этой истории заключалась в том, что несколько десятков крымскотатарских семей - "очередников" Алуштинского горисполкома, потеряв терпение и надежду на законное выделение им квартир или земельных участков, разбили 5 июля палаточный городок. Первоначально он мыслился как стационарный пикет, организованный с целью морального воздействия на органы власти - ускорения выделения земельных участков очередникам. Однако, пережив первый погром, организованный 10 июля с участием милиции и "добровольцев", и последующую двухмесячную блокаду (посты милиции стояли на всех дорогах, подступах к Красному Раю, препятствуя свободному движению, подвозу продовольствия, проникновению в Красный Рай журналистов), палаточный

городок в поселке Красный Рай превратился к осени 1992 года в очередной "самострой" крымских татар, где проживало, включая детей и женщин, около 220 человек, где, наряду с палатками, уже были возведены временные утепленные жилища, была организована общественная жизнь (общая кухня, медпункт, "наглядная агитация" - флагшток над поселком с голубым национальным знаменем, украшенным золотой тамгой, транспаранты с традиционными для крымскотатарского движения лозунгами "Родина или смерть" и др.; избран общественный комитет, поддерживающий постоянную связь с Меджлисом; организована доставка гуманитарной помощи из Фонда "Крым").

Грубой ложью было распространяемое официальной пропагандой утверждение, будто в Красном Раю татары захватили совхозный персиковый сад, нанеся таким образом ущерб пригородному хозяйству. Никакого "сада", ни единого персикового саженца на этом месте не было - голая земля, действительно принадлежавшая местному совхозу, но не возделанная, не благоустроенная и не используемая. Именно обоснование на ней крымских татар, причем тех семей, чьи предки жили в Алуштинском районе, были выселены отсюда и сюда должны были вернуться по планам репатриации, тех людей, кто воспринимал эту землю как свою историческую родину (здесь находился забытый источник, издревле почитаемый у татар), могло (и уже начинало к осени 1992 года) способствовать хозяйственному освоению этой заброшенной, опустелой земли. При этом действия крымских татар, хотя и не бесспорные с точки зрения закона (никто им эти земли не "выделял"), носили мирный, ненасильственный характер: никого они отсюда не изгоняли, а основали свой городок на пустующем участке земли и своим трудом его облагораживали (ежедневно велись строительные работы, были разбиты огороды, обустроены подъезды, очищен колодец). Ответом на эти действия явился двойной силовой удар - погром, организованный властями Алушты (с санкции крымских республиканских властей) первый раз 10 июля (растоптаны палатки, раздавлено имущество, избиты обитатели палаточного городка, включая женщин, подростков и стариков, получивших серьезные травмы), второй раз - с более тяжкими последствиями - 1 октября /8/.

Самое страшное в этой политике насилия, которая была реализована крымскими властями в Красном Раю, - это провокационные (и отнюдь не безуспешные) попытки вовлечь местное русское и украинское население в разгром крымскотатарских самостроев, а фактически, - в гражданскую войну против татар, разжигание межэтнического конфликта, сращивание властных структур (администрации, принимающей решения и отдающей приказы о погромах, милицейских, спецназовских формирований, эти приказы выполняющих) с "гражданской инициативой" со стороны шовинистических сил, рекрутирующих из не-татарского населения Крыма отряды "дружинников", "добровольцев", погромщиков и мародеров, уверенных в безнаказанности своих действий /9/.

Такова одна сторона дела - антидемократическая ситуация, складывающаяся в Крыму, препятствующая нормальным процессам возвращения, адаптации крымских татар, восстановления всех нарушенных, ущемленных национальных прав депортированного народа. Декларированная офици-

альной властью государственная поддержка крымскотатарской репатриации превращается таким образом в пустой звук, более того - оборачивается новыми актами насилия, издевательства над многострадальным народом, продолжением колониальной политики "Крым без крымских татар".

Нас, однако, в этой связи не может не интересовать другая сторона вопроса: как же действует в данном политическом климате само крымскотатарское национальное движение, как противостоит оно наступлению на демократию и что противопоставляет оно насильственной политике, какими средствами и во имя каких идеалов ведет оно борьбу в современных условиях /10/. Прежде всего попробуем выявить все то, что принципиально изменилось в крымскотатарском национальном движении после 1991 года, чего не было раньше, что характерно для специфической ситуации 1991-1993 годов.

Потеряло смысл существовавшее в конце 1980-х годов и отмеченное в нашей книге (II) размежевание ("раскол или изменение курса?"), разделение на НДКТ (традиционное, более консервативное, конформистское по отношению к бывшей Советской власти "Национальное движение крымских татар") и ОКНД (радикальную политическую силу - Организацию крымскотатарского национального движения, созданную в 1989 году). Уже после созыва в июне 1991 г. Курултая /12/ от НДКТ практически ничего не осталось, а с гибелью (в ноябре 1993 г.) последнего и фактически единственного его лидера - Юрия Османова, старое НДКТ и вовсе исчезло с исторической арены. Правда, те, кто до последнего времени финансировал издание абсолютно непопулярной газеты "Арекет", заполненной сочинениями и анти-меджлисскими памфлетами ее единственного рассерженного автора-редактора Юрия Османова, объявившего идеологическую войну Меджлису, упорно надеялись создать видимость противостояния Меджлису каких-то иных, "здоровых" сил внутри крымскотатарского движения. Ничего подобного на самом деле здесь не было. Идея восстановления "по ленинскому декрету 1921 года" Крымской советской социалистической автономной республики, выдвинутая старшим поколением лидеров НДКТ еще в 1950-е годы, попытка привязать крымскотатарское национальное движение к политике Коммунистической партии и Советского государств, вдохновлявшая активистов НДКТ вплоть до краха августовского путча 1991 года, полностью изжила и исчерпала себя. Избранный на Курултае Меджлис крымскотатарского народа, четко и последовательно противопоставивший себя остаткам и мимикрирующим новообразованиям старой партийной номенклатуры в Крыму, стал с середины 1991 года единственным полномочным представителем крымских татар.

Подчеркнем: именно Меджлис, а не ОКНД, которая, начиная со своего 1-го съезда в августе 1991 года, оформилась как замкнутая, с ограниченным членством (можно сказать - "клановая", "элитарная") структура, не претендующая на слияние с массовым народным движением. Неслучайно Мустафа Джемилев, признанный лидер крымских татар, став Председателем Меджлиса, сложил с себя полномочия руководителя ОКНД. Последняя, как национальная политическая партия, "Милли-фирка" нового типа /13/, действует в тесном сотрудничестве с Меджлисом (что не исключает частных противоречий), играет важную роль в идеологическом и

кадровом обеспечении движения, однако центр тяжести в выявлении руководящей силы, признанного лидера общенационального движения за восстановление прав крымскотатарского народа, безусловно переместился с ОКНД, игравшей здесь главную роль в период с мая 1989 по июнь 1991 года, на Меджлис.

Геополитически поле действия крымскотатарского национального движения за последние два года (1991-1993) полностью и окончательно переместилось на Крымский полуостров. Напомним, что "Центральная инициативная группа" (ЦИГ), созданная весной 1987 года на съезде инициативных групп в поселке Янгиюль Ташкентской области, и выросшая из нее ОКНД, выработавшая свой устав к весне 1989 года, еще начинали да и вели свою деятельность в местах прежней ссылки крымских татар: в республиках Средней Азии, в Краснодарском крае; проводили акции протеста в Москве и т.д.

Перемещению движения в Крым соответствуют и темпы репатриации крымских татар на свою историческую родину за последние годы. Весной 1987 года здесь насчитывалось всего 17,4 тысячи крымских татар, в июле 1987 г. - 20 тысяч, к июлю 1991 года - 135 тысяч, к маю 1992 года - 173 тысячи, к сентябрю 1992 года - 200 тысяч, к концу 1993 года - 240-250 тысяч. В основном,

Процесс физической репатриации крымских татар (разумеется, только из стран СНГ) уже приблизился к своему концу, и центр тяжести в деятельности Движения переместился с проблем возвращения народа из мест ссылки в Крым на проблемы обустройства, социальной адаптации, культурного возрождения и обеспечения гражданских прав крымских татар на их исторической родине, причем среди этих прав важнейшим и неукоснительным им самим представляется "право на самоопределение", на "свою" национальную государственность, на политическое представительство в местных органах власти.

На текущий момент (1991-1993 гг.) реализация этих политических прав связывается крымскими татарами с удовлетворением следующих требований, выдвигаемых и формулируемых Меджлисом:

1) первое (и самое главное) - это официальное признание властями Украины и Республики Крым Меджлиса крымскотатарского народа как единственного легитимного представительного органа крымских татар, выражающего их интересы и осуществляющего проведение национальной политики по отношению к крымскотатарскому народу (до сих пор Меджлис официально не признан, более того - объявлен Верховным Советом Республики Крым "антиконституционным");

2) обеспечение крымским татарам достаточного количества депутатских мест и прав (включая и право "вето" по вопросам, затрагивающим интересы крымскотатарского народа) в Верховном Совете Республики Крым;

3) прохождение крымскими татарами альтернативной воинской службы в строительных и иных батальонах, формируемых и задействованных исключительно на территории Крымского полуострова.

Все эти три важнейшие политические требования, сохраняющие свою актуальность на протяжении 1991-1993 годов, носят отнюдь не окончательный, а временный, переходный характер. Очевидно, что за фор-

мальным "признанием" Меджлиса последует следующий шаг, будут выдвинуты новые требования реальной передачи ему более широкого круга полномочий и объема власти.

Утверждая это, мы менее всего хотели бы присоединиться к тем голосам, которые довольно громко раздаются в национал-патриотической печати и с трибун соответствующих митингов, распространяя панические настроения и провокационные слухи, пугая население Крыма новыми татарскими "зелеными батальонами", будущим "всевластием" Меджлиса, восстановлением Крымскотатарского ханства или крымскотатарской мусульманской Джемехирии и конечным изгнанием славянского населения с полуострова. Никакими бедами жителям Крыма татарское национальное движение не угрожает, никакого агрессивного заряда в себе не несет, от важнейших демократических принципов не отказывается, и заявленные в главном политическом документе Курултая - июньском (1991) "Обращении ко всем жителям Крыма" - положения сохраняют свою актуальность: "Курултай от имени крымскотатарского народа заявляет: Возвращаясь на свою родину, мы несем с собой добро для всех людей, живущих в Крыму. У нас нет намерения нанести ущерб кому-либо из вас, мы не покушаемся на ваши имущественные, духовные, культурные, религиозные, политические и другие права. Мы уважаем национальные чувства и человеческое достоинство всех людей. Мы всегда поддерживаем традиционные дружественные связи со всеми национальными группами, проживающими в Крыму".

Все это так, но для ясного представления о том, что происходит сегодня в Крыму, как вписывается возглавленное "непризнанным" Меджлисом крымскотатарское национальное движение в сложную этнополитическую ситуацию Республики Крым, насыщенную нарушениями прав человека и националистическими провокациями, надо отдавать себе отчет в том, что конечная цель Меджлиса - отнюдь не совершенствование нынешней "территориальной автономии", а ее демонтаж и формирование крымскотатарской государственности по принципу права нации (понимаемой как крымскотатарский этнос) на самоопределение. В этом, представляемом как политическая цель и идеал, государстве Меджлис готов гарантировать все человеческие права и социальные блага населяющим Крымский полуостров гражданам, независимо от их национальности, религии, времени прибытия в Крым и прочих цензов; готов заранее исключить какую бы то ни было политику новых депортаций, выселений, передела земли и т.п. Но в то же время он ясно дает понять, что это новое государство, за воссоздание которого он ведет борьбу (при "воссоздании" имеются в виду исторические традиции независимого демократического Крыма), будет "национальным" крымскотатарским государством - с татарским государственным языком (кстати, письменность, по постановлению Меджлиса, уже переведена на латинскую графику, аналогичную графической основе современного турецкого языка), с лидирующей ролью крымских татар во всех сферах власти, политической деятельности и культуры; новые демографические горизонты откроются после возвращения в Крым не только всех "советских" крымских татар - изгнанников 1944 года и их потомков, но и наследников прежних волн вынужденных крымскотатарских эмиграции в Турцию, поднимавшихся одна за другой на про-

тяжении двух столетий после 1783 года, то есть нынешней почти пятимиллионной крымскотатарской диаспоры.

Вопрос в том, насколько реальны или фантастичны подобные дальние планы, и еще более существенный и серьезный вопрос о том, насколько вся эта теория "национальной государственности", созданной по принципу права этноса на самоопределение, соответствует современным нормам международного права, гуманитарным критериям и новейшим научным теориям государства /14/, нельзя обойти стороной, ибо истинная сложность современного положения крымскотатарского народа в Республике Крым не только в том, что здесь еще действуют "силы 1944 года" и на всех уровнях - от верховной власти и официальной администрации до поведения общественных низов, люмпенизированных и маргинальных групп, проявляются антидемократические установки и антитатарский шовинизм (хотя именно в этом, конечно, здесь и главная беда, и главная проблема), но и в том, что методы самого крымскотатарского движения, руководимого сегодня Меджлисом, не вполне, не во всем, не всегда соответствуют демократическим нормам.

Некоторые изъяны в программных идеалах, в теории "национальной государственности" неизбежно оборачиваются допустимостью в конкретных действиях, санкционируемых Меджлисом, таких средств, которые трудно оправдать и которые приводят в смущение даже верных друзей и сторонников крымскотатарского движения, поддерживавших его в самые трудные времена прошлой, "советской" истории.

Выше уже шла речь о выдвинутой Меджлисом программе преимущественного (не-пропорционального по отношению к численности населения), обеспеченного льготными квотами представительства крымских татар в Верховном Совете. В свое время (после преобразования Крымской области в Крымскую АССР по Закону Украинской ССР от 12 февраля 1991 года) крымским татарам, составлявшим тогда 4% населения Крыма (около 100 тысяч из 2,5 миллионов жителей полуострова), было предложено занять 7 депутатских мест в Верховном Совете (из расчета: один мандат от каждых 10 тысяч избирателей). Руководство ОКНД (Меджлиса тогда еще не было) с негодованием отвергло это предложение, расценивая подобное представительство как "опереточное". За два года шансы крымскотатарского движения заметно выросли. В дополнениях к Закону Республики Крым "О выборах Верховного Совета Крыма", принятых 14 октября 1993 года, крымским татарам предоставляются гарантированные 14 из 98 депутатских мест, плюс представителям других "народов Крыма" (депортированных - армянам, болгарам, грекам, немцам; и "коренных" - караимам и крымчакам) по одному мандату. И эта уступка не вызвала у Меджлиса особый энтузиазм. Правда, на этот раз предложение не было отвергнуто сразу (оно даже обсуждалось на специально созванном чрезвычайном Курултае 27-28 ноября 1993 г.). Ясно, однако, что этих 14-ти мест в новом парламенте крымскотатарскому движению мало, его руководство требует большего /15/ и к удовлетворению своих требований будет стремиться.

В конкретных условиях, сложившихся в Крыму, Меджлис не видит иного выхода, иного пути к законной, парламентской защите прав крымскотатарского народа, кроме как за счет предоставления крымским татарам -

по этническому признаку - новых прерогатив, дополнительных мандатов и мест в парламенте: иначе не развязать тугой узел противоречий, стянутый здесь еще коммунистическим тоталитарным режимом, не убедить, не докричаться до тех, кто десятилетиями воспитывался в невежестве и глухоте к крымскотатарской боли.

Понять позицию Меджлиса можно. Весь вопрос в том, будет ли на этом пути достигнут выход из противоречий или, напротив, произойдет неизбежный переход к их более крутому и опасному витку.

Еще более тревожные вопросы связаны с тем, что касается насильственных и ненасильственных методов гражданского движения.

Традиционно крымскотатарское национальное движение, заявившее о себе с 1960-х годов как о составной части правозащитного общедемократического движения в СССР, декларировало свою приверженность ненасильственным методам борьбы, свой отказ от насилия в какой бы то ни было форме. Мирные демонстрации, мирные петиции, воззвания к совести сограждан и справедливости властей; апеллирование к правам, гарантированным Советской Конституцией; мирный путь добровольного возвращения на родину (без причинения ущерба жителям Крыма), действия во имя высоких гуманных целей, не противоречащие законам страны, - такова была многолетняя история крымскотатарского национального движения, его традиция. Мы не можем не заметить того, как постепенно меняется эта традиция сегодня, и нельзя констатировать этот факт без внутренней тревоги.

Разумеется, ни о каком разгуле насилия, ни о каких "массовых беспорядках" и, вообще, крупномасштабных насильственных действиях со стороны крымских татар, которых сторонники советско-коммунистического реванша хотели бы представить виновниками всех бед, чтобы снова обрушить на них жестокость государственных репрессий, не может быть и речи: этого в Крыму нет. Но частные случаи активного "сопротивления злу насилием" становятся все более многочисленными и заставляют задуматься, по какому пути пойдет дальше крымскотатарское движение, руководимое людьми, которые уже не боятся ни столкновений с милицией, ни уличных баталий. Наибольшие основания к этим тревожным раздумьям дали симферопольские события, последовавшие вслед за разгромом крымскотатарского "самостроя" в селе Красный Рай, избиением и арестом группы захваченных там крымских татар. Пусть главными виновниками симферопольских событий 5-7 октября были те, кто спровоцировал и осуществил кровавое 1 октября в Красном Раю, но и то, что последовало за этим со стороны крымских татар и закончилось превращением главной площади Симферополя в поле битвы, никак не назовешь мирными и законными действиями. Заседавший 6 октября в Симферополе в нескольких кварталах от главного театра боевых действий Меджлис формально к насилию, к штурму Верховного Совета не призывал, предоставив стихийному возмущению народа выливаться в любые формы. Однако отделить в данном случае массы от руководителей движения (а именно - пользующихся безграничным доверием и авторитетом среди крымских татар - руководителей Меджлиса) совершенно невозможно. В конечном итоге Меджлис взял на себя ответственность за развитие событий, предупредив, что он готов объявить общую мобилизацию (!) крымскотатарского народа, и сделав

официальное заявление, в котором объявил крымскую администрацию виновником этих событий. Он призвал бойкотировать следствие, которое, по его мнению, получило предвзятый и односторонний обвинительный характер, и предупредил: "Меджлис крымскотатарского народа обращает внимание государственных органов Украины на то, что использование насилия и репрессий в отношении отстаивающего свои естественные права крымскотатарского народа не может привести ни к чему иному, кроме эскалации политической напряженности и возрастающей угрозе новых конфликтов".

Итак, "эскалация" напряженности и конфликтов, как единственно возможный и неизбежный ответ на насилие, оказалась предусмотренной частью программы крымскотатарского движения, заявленной в начале 1993 года. Раньше столь откровенно это не демонстрировалось никогда.

В дальнейшем Председатель Меджлиса Мустафа Джемилев высказывался еще более откровенно. "Наша приверженность ненасильственным методам гражданского сопротивления не столь велика, чтобы принести ей в жертву национальные интересы нашего народа, - говорил он в своем выступлении на 19-м Конгрессе национальностей Европы 21 мая 1993 года во Фленсбурге. - Укоренившийся на нашей родине колониальный режим стремится всеми возможными и невозможными, незаконными средствами препятствовать массовому возвращению крымских татар на родину. Этот режим не признает законных прав нашего народа. Этот режим опирается на насилие и использует методы насилия, совершая чудовищные преступления против крымскотатарского народа и, что самое ужасное, вовлекая в эти преступления часть русского и украинского гражданского населения Крымского полуострова. Таким образом, возникает угроза широкомасштабного межэтнического конфликта в Крыму с непредсказуемыми, опасными последствиями (...) Крымскотатарское движение всегда придерживалось только демократических ненасильственных методов гражданской борьбы и никогда не прибегало к насилию. Мы намерены придерживаться этого принципа и в дальнейшем. Однако терпение народа не безгранично и не бесконечно! Европейская общественность должна понять, что там, где нарушаются права человека, не может быть прочного мира и стабильности. Еще большая угроза миру возникает там, где нарушаются права целых народов. Стабильность черноморского региона достижима лишь на пути справедливого решения крымскотатарской проблемы..." /16/

В его отчетном докладе на сессии Курултая, созванной в июле 1993 года, было сказано: "События последних лет, особенно октября 1992 года, показали, что для защиты чести и достоинства нашего народа, для защиты жизни и здоровья наших соотечественников от бандитских нападений карательных подразделений администрации Крыма (...) нам необходимо будет предпринимать соответствующие организованные общенациональные меры. Я полагаю целесообразным разработать и принять документ, который давал бы полномочия Меджлису в определенных условиях предпринимать чрезвычайные меры по организации и осуществлению такой защиты /17/.

Эти высказывания Мустафы Джемилева не прошли мимо внимания крымской и мировой общественности. Отмечая участие крымскотатарской

делегации в 19-м конгрессе национальностей Европы и то впечатление, которое произвело выступление Мустафы Джемилева, западногерманский обозреватель Петер Винтер подчеркивал: "Наводит на размышление его замечание, что его народ до сих пор вел ненасильственную борьбу, но терпению приходит конец" /18/. Демократическая общественность Германии с тревогой отметила и то повышенное внимание, каким окружили Мустафу Джемилева во время его майского (1993) визита в Германию местные лидеры крайне радикальных турецких группировок. Ясно, что даже гипотетический союз с подобными силами несовместим с демократическими принципами и традициями крымскотатарского движения.

И все же, если делать вывод из основных событий за последние два года (1991-1993), надо признать, что в Крыму, вопреки всем реальным опасностям и острым подводным рифам, в конечном итоге благодаря мудрости руководителей национального крымскотатарского движения, прочному запасу демократических традиций, которыми это движение располагает, а также благодаря инстинктивной осторожности крымской администрации (прежде всего бывшего Председателя Верховного Совета республики Н.В.Багрова), умеющей буквально в последнюю секунду отступить от края пропасти, не допустить перехода напряженности в крайнюю и необратимую фазу, до сих пор удавалось избежать непоправимой беды, и до гражданской войны здесь сегодня дело не дошло и, можно надеяться, не дойдет.

Дважды власти Крыма и руководители крымскотатарского национального движения прошли острейшее испытание: первый раз, когда решался вопрос о политическом статусе Крыма (быть ему "независимым", воссоединиться с Россией или остаться в составе Украины); второй раз, когда развернулись грозные события в поселке Красный Рай и в Симферополе. (По времени эти события переплелись и частично совпали, заняв весну-лето-осень 1992 года и протянувшись по своим последствиям в год 1993-й). В обоих случаях Крым удалось спасти от гражданской войны и большого кровопролития, найти необходимый компромисс, проявить выдержку, встать на путь взаимных уступок : это удалось и администрации Крыма, и Меджлису крымскотатарского народа.

Об испытаниях, связанных с историей Красного Рая и с октябрьскими событиями в Симферополе, речь уже шла выше. Более сложно и запутанно сплетался клубок противоречий вокруг идеи референдума о политическом статусе Крыма /19/. Здесь не было уличных битв, но опасность столкнуть республику в бездну гражданской войны была еще более сильной. И снова удалось отойти от края пропасти: руководству республики хватило ума, политического такта и выдержки не доводить до конца затеянную провокацию, поправить собственную ошибку. Руководству крымскотатарского движения (и это надо особенно подчеркнуть как факт исключительный, столь разительно не похожий на действия иных национальных определений, вовлекающих свои народы в преступные сепаратистские войны за "независимость") хватило гражданской твердости и ширины кругозора, чтобы не встать на путь авантюры, ответить - от имени крымскотатарского народа - решительным "нет" на попытки отторгнуть Крым от Украины, несмотря на то, что "вечная принадлежность" Крыма Украине ни-

как не укладывалась в исторические концепции крымскотатарского национального движения.

Этот пример гражданского мужества, проявленного в критической ситуации Меджлисом крымскотатарского народа, поставившим интересы мира в регионе выше узких целей собственного национального движения, всегда стремившегося к независимости от славянского мира, может служить не только назидательным уроком другим национальным движениям народов бывшего СССР, но и отрадным свидетельством все более глубокого проникновения демократических и гуманистических принципов в национальные движения современности.

Примечания:

1. Крымская АССР существовала в составе РСФСР с 1921 года (была создана по решению майского Пленума ЦК РКП/б/ и Постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 18 октября 1921 г.) и была ликвидирована (преобразована в Крымскую область) после сталинской депортации крымских татар (18 мая 1944 г.) по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 30 июня 1945 г. и по Закону Верховного Совета СССР от 26 июня 1946 года. 19 февраля 1954 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была осуществлена передача Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР. 20 января 1991 г. в Крыму был проведен референдум о воссоздании Крымской АССР ("за" воссоздание Крымской АССР высказались 93,3% принявших участие в голосовании жителей Крыма; крымские татары бойкотировали проведение этого референдума). 12 февраля 1991 г. Верховный Совет Украины принял Закон о восстановлении Крымской АССР в составе Украинской ССР. 26 февраля 1992 г. были изменены название и статус Крымской АССР - по Закону, принятому Верховным Советом Крымской АССР, "О Республике Крым как официальном названии демократического государства Крым", появилась Республика Крым. 6 мая 1992 г. была принята Конституция Республики Крым.

2. По последней всесоюзной переписи населения 1989 года в Крыму проживало 1.617 тысяч русских, 622 тысячи украинцев, около 50 тысяч крымских татар, 17 тысяч евреев, 6.000 молдован, 6.100 поляков, 4.600 чувашей, 4.500 мордвы, 2.800 армян, 2.400 греков и так далее - всего около 2,5 миллионов человека 120-ти национальностей. С той поры демографическая ситуация заметно изменилась, главным образом, за счет притока возвращающихся на родину крымских татар, число которых за четыре года увеличилось почти в 6 раз. Со временем резко сократилась численность двух других коренных народов Крымского полуострова: караимов (до войны их было здесь около 5 тысяч, в 1979 году - 1.151 человек, в 1991 г. - всего 882) и крымчаков (до войны 7,5 тысяч, в 1979 г. - 1.048, в 1991 г. - всего 604 человека). В целом, сохраняется ярко выраженная полиэтничность населения Крыма при внушительном численном преобладании русских, составляющих 65% местного населения, и украинцев (25%). Своеобразный парадокс этой демографической ситуации заключается в том, что самая крупная по численности этническая группа местного населения - русские - здесь, за пределами Российской Федерации, представляют собой ти-

пичное "национальное меньшинство" (по отношению к многомиллионному, "материковому" целому - русскому народу России), в то время как "коренные народы" Крыма (каковыми считаются крымские татары, караимы и крымчаки), претендующие на "свою" национальную государственность в Крыму, составляют крайне малую долю общего народонаселения полуострова: крымские татары - чуть более 10%, караимы - менее 0,03% и крымчаки - менее 0,02%.

Русское население Крыма, наряду с огромной "беспартийной" массой, организовано в несколько различных партий, блоков и группировок. Среди них преобладают организации пророссийской (по вопросу об объединении Крыма с Россией), просоветской и прокоммунистической ориентации. Это мощное РДК (Республиканское движение Крым) во главе с Юрием Мешковым, формально распущенное в 1993 г., но по сути продолжающее агитацию за отделение Крыма от Украины; возглавив избирательный блок "Россия", Ю.А.Мешков был избран 30 января 1994 года первым президентом Республики Крым; близкое ему Всекрымское движение избирателей за Республику Крым; Республиканская партия Крыма и др. В феврале 1993 г. была образована Русская партия Крыма, родственная ЛДПР Жириновского. Союз коммунистов Крыма возглавляет бывший секретарь рескома КПУ Леонид Грач. все эти группировки, стремящиеся быть "правовернее самого папы" (официальных крымских властей), являются оплотом политической реакции и источником распространения шовинистических анти-татарских настроений. Печальную известность в этом отношении обрело Русское Общество Крыма (председатель Анатолий Лось), развернувшее бурную деятельность с 1991 г.

Другой фланг русского гражданского движения в Крыму представляют еще весьма слабые и малочисленные, но все же заявившие о себе организации демократической направленности - "Демократический Крым", "Гражданский форум" и другие. Большинство из них активно поддерживают крымскотатарское национальное движение. Особенно тесный альянс наметился между молодой ДПК (Демократической партией Крыма) и радикальной ОКНД (Организацией крымскотатарского национального движения).

Реальная "партия власти" (формально никак не конституированная), группировалась до января 1994 года вокруг Председателя Верховного Совета Н.В.Багрова. Состоящая в основном из прежних партийных функционеров и хозяйственных руководителей, она занимала как бы центристскую позицию между "правыми" и "левыми" радикалами. Формально она заявляла о своей лояльности по отношению к Киеву (впрочем, может быть, не только формально: известно, что Н.В.Багров и Л.М.Кравчук связаны личной дружбой).

Украинские организации Крыма - местное отделение движения "Рух", "Просвита", Украинская республиканская партия, крымское отделение Конгресса украинских националистов и др., как правило, поддерживают крымскотатарское национальное движение, видя в нем своего основного союзника в борьбе с "российским шовинизмом". Влияние украинских политических организаций на полуострове, даже среди этнических украинцев, сравнительно невелико.

Наряду с политическими партиями и гражданскими движениями в Крыму создана широкая сеть культурно-просветительских объединений (обществ, клубов, фондов, ассоциаций) основных национальных групп народонаселения Крыма. Это Азербайджанское, Армянское, Белорусское, Болгарское, Греческое, Грузинское, Еврейское ("Зиблихт"), Караимское ("Бирлик"), Крымчакское, Немецкое ("Видергебурт-Возрождение"), Общество русской культуры, Общество украинской культуры, а также крымскотатарские чисто просветительские или предпринимательские объединения, которые в отличие от политической организации ОКНД формально стоят как бы вне политики. Это крымскотатарское культурно-историческое патристическое общество "Ватан" (председатель профессор Рефик Музафаров), Координационный центр по возрождению крымскотатарской культуры, Фонд "Крым", маленькое культурно-просветительское общество "Ешилъ ел" и др. Однако крымскотатарское национальное самосознание, в целом, настолько политизировано, что даже чисто просветительские и культурные общества и центры здесь имеют определенную политическую окраску и участвуют в политической борьбе: "Ватан" несколько дистанцирован от Меджлиса и ОКНД, нередко выступает с критикой последних; Координационный Центр действует под эгидой Меджлиса, Фонд "Крым" является непосредственной материальной базой Меджлиса; общество "Ешилъ ел" было создано, напротив, как противовес основным силам крымскотатарского движения. Все это составляет довольно пеструю и сложную картину.

3. 23 августа 1991 г. был закрыт Крымский Реском КПУ, однако вся прежняя партноменклатура Автономной республики сохранила свое руководящее положение в новых органах власти. Бывший первый секретарь Рескома партии Николай Багров, совмещавший роль партийного руководителя с должностью Председателя Верховного Совета, остался на посту Председателя - фактического главы Советской власти в Крыму.

4. С распадом СССР общегосударственная программа поддержки крымскотатарской репатриации (из мест ссылки на их историческую родину - в Крым), едва начинавшая складываться летом 1991 года, фактически рухнула. Российская Федерация, выступающая правопреемницей СССР, в данном случае не пожелала выступать в роли стороны, несущей историческую ответственность и вину за преступления сталинизма перед крымскотатарским народом, и понемногу самоустранилась от решения проблем крымских татар. Ее доля в оказании финансовой помощи свелась к минимуму в 1992 г. и вовсе иссякла в 1993 г. Примеру Российской Федерации последовали республики Средней Азии, прежде всего Узбекистан, который не только не помогает крымским татарам в переезде на родину, но препятствует этому с помощью таможенных, бюрократических барьеров, финансовой политики и иными способами. Украина, оказавшаяся в состоянии глубокого экономического кризиса, одна просто не в состоянии оказать десяткам тысяч крымских татар действенную помощь финансовыми субсидиями. Обеспечение их земельными участками, строительными материалами, жильем, работой, пособиями и т.д., хотя и предусмотрено в государственных программах и планах, на деле тормозится и вовсе сходит на нет. Действия крымской администрации в этом отношении вызывают крайнее

раздражение крымских татар. Мустафа Джемилев говорил об этом: "Местная крымская администрация - это та же самая номенклатура, которая больше всего препятствовала возвращению крымских татар на полуостров, а сейчас мешает их обустройству, прибирая к своим рукам (в частности, через Комитет по делам депортированных народов) выделенные Украиной деньги (...) Миллионные суммы отпускаются на строительство школ, где не учатся наши дети, на строительство дорог в тех местах, где мы не живем (...) Идет элементарное разбазаривание средств депортированных народов..." (Мустафа Джемилев: "Украина должна определить свое отношение к крымским татарам". - Независимая газета, 1992, 25 июля. С.3).

Согласно экспертному заключению, сделанному в марте 1993 г. Центром экономических и региональных исследований (под руководством Э.А.Паина), "... резко обострились социально-экономические проблемы крымскотатарского населения. Так, к маю 1992 года только 606 вернувшихся крымскотатарских семей (менее - 2% общего числа) получили жилье, построенное за счет бюджетных средств, выделенных на эти цели. Из 173 тысяч крымских татар, проживавших в Крыму к лету 1992 г., было трудоустроено лишь 44 тысячи человек, большинство из которых работало не по специальности, остальные же были и вовсе лишены работы и средств к существованию. В то же время средства, выделенные правительством Украины на нужды возвращающихся крымских татар, использовались бессистемно, а зачастую и вовсе не по назначению" (Цит. по тексту брошюры: Пути самоопределения крымскотатарского народа. М.: 1993. С.4-5).

За следующий год положение еще более обострилось. "Мы имеем дело с геноцидом крымскотатарского народа, осуществляемым властями Крыма", - заявил осенью 1993 года один из руководителей ОКНД Энвер Умеров. По его данным, из 250 тысяч вернувшихся на родину крымских татар 75% взрослого трудоспособного населения не имеют работы, 60% живут во временках и палатках; в татарских семьях самая высокая в Крыму детская смертность (См.: Крымские татары и демократы недовольны властями. - Независимая газета, 1993, 6 октября. С.3).

5. Так, например, назначенный начальником Управления милиции Республики Крым Плюте в 1970-х гг. работал начальником РОВД Сакского района и командовал выселением семей крымских татар, лично участвуя в жестоких акциях. (См. об этом: Ф.Асанов. Пятнадцать лет назад. - Авдет, 1993, 21 октября. С.3).

6. "Самозахваты" земельных участков и "самострой" на захваченных территориях поселков стали с конца 1980-х годов едва ли не основным методом в тактике крымскотатарского движения. В истории крымскотатарских "самозахватов" и "самостроев" были и трагические страницы, когда "самострой" уничтожались, а их защитники подвергались репрессиям (разгром палаточного городка в селе Дегирменкой в декабре 1989 г., трагедия корейского "самостроя" осенью 1990 г. и др.), и успехи, когда крымским татарам удавалось отстоять и легализовать возникшие явочным путем поселки. Мустафа Джемилев говорил об этом: "Крымские татары вполне справедливо и обоснованно начали прибегать к самовольному захвату земельных участков. Конечно, если подходить к этому чисто формально, то здесь есть какой-то элемент нарушения закона, ибо земельные участки дол-

жны отводиться согласно решениям соответствующих инстанций. Но если чиновники в этих инстанциях нагло заявляют крымским татарам, что нет для них свободных земель (...), то такие правила игры в законность мы соблюдать не будем. Поэтому ОКНД (...) оказывает всемерную помощь и поддержку соотечественникам, которые занимают пустующие земельные участки и строят палаточные городки. Первый палаточный городок был основан в с. Севастьяновка Бахчисарайского района в августе 1989 года. Сегодня в этом селе поднимается 58 новых домов крымских татар. Затем последовало занятие земель в селе Заланкой (Холмовка) Бахчисарайского района. Сейчас здесь строится свыше 50 домов (...). Затем появились палаточные городки в Карасубазарской, Симферопольском, Судакском, Кировском и Нижнегорском районах и в селе Дегирменкой Алуштинского горсовета. Посредством многомесячных и почти непрерывных демонстраций, митингов и организации палаточных городов удалось добиться выделения еще около двух тысячи земельных участков..." (Из Отчетного доклада Мустафы Джемилева "Итоги первого года Организации крымскотатарского национального движения" на 6-м Всесоюзном совещании ОКНД 30 апреля 1990 г.).

7. Так, например, в редакционной статье "Крымских известий" за 14 октября 1992 г. сообщалось, будто "одновременно с проведением провокацией в Крыму руководители Меджлиса обратились в Конфедерацию горских народов (Кавказа), пытаясь вести дело к кровопролитию..." (Надеемся на мудрость и терпение. - Крымские известия, 1992, 14 октября. С.1). Это заявление носило абсолютно ложный характер: никаких обращений Меджлиса в КГНК (к осени 1992 г. скомпрометировавшую себя участием в войне против демократической Грузии) - ни явных, ни тайных - не было. Другим примером организованной травли меджлиса в крымской прессе может служить анонимная статья "Пока параллельные линии не пересекутся ..." (Таврические ведомости, 1993, 23 апреля. С.1-2). Обвиняя Меджлис в образовании "тюркских цепочек", которые тянутся из Крыма в Турцию, на Кипр, в Азербайджан, на Кавказ, через Гагаузию на Балканы и т.д., авторы подталкивают Верховный Совет республики к принятию решительных мер против Меджлиса и упрекают официальные власти Крыма в "пассивности".

8. В официальном заявлении Президиума Меджлиса крымскотатарского народа в связи с активизацией деятельности репрессивных органов в Крыму от 28 января 1993 г. по этому поводу говорилось: "Последними по времени и наиболее жестокими по форме были погромы палаточного поселения крымских татар в с.Красный Рай близ г.Алушты 10 июля и 1 октября 1992 года. Особое зверство власти проявили 1 октября 1992 года, когда избитые спецназом десятки поселенцев были в угрожающем их жизни и здоровью состоянии увезены в неизвестном направлении (...) Условия содержания и обращения с заложниками приближались к тому, что квалифицируется в международном праве как пытки, являясь одновременно и уголовно-правовыми нарушениями с позиции Украинского законодательства" (Авдет, 1993, 11 февраля С.1).

9. Автором записаны многочисленные свидетельства и сообщения жителей Алуштинского и Ялтинского регионов - рассказ очевидцев о том, как происходило рекрутирование "добровольцев", отправляемых на авто-

бусах для погрома татарского "самостроя" в с.Красны Рай. Так, например, в поселке Красная Каменка (Кизил-Таш) директор местного совхоза обратился 9 июля к рабочим: "Завтра задание особое: поедете бить татар. Выпью за один рабочий день тройную зарплату".

10. В настоящей статье мы не рассматриваем всю историю крымскотатарского движения, выдвигавшего на разных этапах своей истории различные программные положения. Нас интересует исключительно та ситуация, в которой оказалось это движение перед лицом новой власти - после распада СССР, после превращения Украины в независимое государство и образования в его составе Республики Крым.

11. М.Н.Губогло, С.М.Червонная. Крымскотатарское национальное движение. Том I: История. Проблемы. Перспективы. М.: 1992. С.171-200.

12. 1-й крымскотатарский курултай (общенациональный съезд крымскотатарского народа с участием представителей других народов Крыма) был созван в 1917 году. Деятельность Курултая была прервана в годы гражданской войны и при Советской власти уже не возобновлялась. Впервые после почти 73хлетнего перерыва новый (по историческому счету - Второй) крымскотатарский курултай был созван по инициативе ОКНД и торжественно открыт в Симферополе 26 июня 1991 г., куда прибыло 262 делегата из всех регионов проживания крымских татар. После 1-й сессии (26-30 июня 1991 г.) последовали 2-я сессия (25-31 июля 1993 г.) и чрезвычайная сессия (27-28 ноября 1993 г.) Курултая, который считается высшим органом суверенного самоуправления - регулярно созываемым Конгрессом крымскотатарского народа.

13. "Милли-фирка" - национальная крымскотатарская партия социал-демократической ориентации существовала в годы революции и гражданской войны. В связи с формированием ОКНД было немало споров о том, считать ли ее современной "милли-фирка" (национальной партией) или не возвращаться к старому названию, тем более социал-демократический характер старой "Милли-фирка" (особенно ее левого крыла, близкого к большевистской фракции РСДРП) мало согласуется с программой и сущностью современной ОКНД. Формально она заявляет о себе как "политическая организация" (слово "партия" в ее уставе не фигурирует).

14. "В данном контексте, - отмечает в частности Эмиль Паин, - непродуктивной оказывается программная установка на построение "суверенного национального крымскотатарского государства". Следует сказать, что в современном мире идея национального (в смысле - моноэтнического) государства воспринимается как опасный анахронизм, угрожающий международному миру и безопасности (...). Мировое сообщество все более определенно отдает предпочтение общетерриториальным общностям при образовании новых государств (...). Особенно негативную реакцию вызывают попытки построения национального государства на многонациональной территории, тем более, если нация, выдвигающая эту идею, находится в фактическом меньшинстве на ней" (Пути самоопределения крымскотатарского народа. М.: 1993. С.17-18).

15. Желательным для крымских татар является предоставление им квоты на 1/3 всех депутатских мандатов плюс 1 мандат. Это, по разъяснения Мустафы Джемилева, позволит крымскотатарскому депутатскому корпусу

блокировать любые постановления Верховного Совета, которые должны быть, по Конституции, приняты двумя третями всех голосов, если такие постановления окажутся в противоречии с интересами крымскотатарского народа.

16. Обратный перевод с немецкого на русский подлинника речи Мустафы Джемилева сделан автором (на 19-м конгрессе национальностей во Фленсбурге автору пришлось переводить эту речь с крымскотатарского на немецкий).

17. Авдет, 1993, 9 августа. С.4. 18. FUEV - Aktuell. 1993. August. S.3-4.
19. 5 мая 1992 г. Крымский Верховный Совет провозгласил государственную независимость Республики Крым и принял решение о проведении 2 августа в Крыму референдума по вопросу о независимости. 13 мая 1992 г. Верховный Совет Украины аннулировал эти решения и предложил Верховному Совету Крыма до 20 мая самому исправить свою ошибку и отменить прежние решения. Л.Кравчук занял твердую позицию, заявив: "Мы не допустим посягательств на территориальную целостность Украины". То, что удалось сепаратистам в Южной Осетии и Абхазии, где была развязана война против Грузии, в Приднестровье, противопоставившем себя Молдове, не удалось осуществить в Крыму. И это несмотря на то, что в политическую игру "за независимость" был вовлечен не только Верховный Совет Крыма, но и такие общественные движения, как РДК, будоражившие общественность. По данным проведенных в мае социологических опросов, 69,4% крымчан были готовы принять участие в референдуме и 60,5% собирались безусловно проголосовать за государственную независимость Крыма. Масло в огонь разгорающегося конфликта подлило заявление Верховного Совета Российской Федерации, опубликованное в мае 1992 г. В нем утверждалось, что "Крым - это исконно русская земля" и все акты о передаче Крыма из состава РФ в состав Украины не имеют юридической и законной силы. В этой ситуации острейшего противостояния в разгар споров о судьбе и статусе Крыма позиция Меджлиса крымскотатарского народа приобрела принципиально важное значение. Эту позицию чутко выразил Мустафа Джемилев в своем выступлении 13 мая на сессии Верховного Совета Украины. Он назвал акт о провозглашении государственной самостоятельности Крыма от 5 мая 1992 г. "циничным попранием прав нашего народа, грубым посягательством на национальную целостность Украины". Под давлением официального Киева, с одной стороны, и демократических движений, с другой, Верховный Совет Крыма, проявивший способность к политическому маневрированию, приостановил 21 мая свои решения от 5 мая. 9 июля он принял решение о введении бессрочного моратория на проведение референдума. В сентябре 1992 г. Верховный Совет Крыма ввел изменения в конституцию Республики Крым, приведя ее в соответствие с Конституцией Украины. Попытка "вырвать" Крым из состава Украины, что могло бы привести к гражданской войне с тяжелейшими последствиями, была сорвана. Крымскотатарское движение сыграло в этом стабилизирующую роль. Его лидеры не позволили вовлечь свой народ в войну. Отвечая на вопрос: "Вы - за то, чтобы Крым оставался в составе Украины?", Мустафа Джемилев следующим образом сформулировал позицию крымскотатарского движения: "Мы требуем восстановления нашей национально-терри-

ториальной государственной на территории всего Крыма в рамках Украинского государства" (Независимая газета, 1992, 25 июля. С.3).

Подписано к печати 12.04.94 Тир. 150 экз. Печ. л. 1,5
Заказ № 14
УОП Института этнологии и антропологии РАН